ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. ДЖЕК УБЕГАЕТ 11
Часть вторая. ДОРОГА ИСПЫТАНИЙ 102
Часть третья. СТОЛКНОВЕНИЕ МИРОВ 341
Часть четвертая. ТАЛИСМАН 518
Эпилог 766
Заключение 767

Посвящается
РУТ КИНГ и ЭЛВЕНЕ СТРАУБ

Ну так вот, когда мы с Томом подошли к обрыву и поглядели вниз, на городок, там светилось всего три или четыре огонька — верно, в тех домах, где лежали больные; вверху над нами так ярко сияли звезды, а ниже города текла река в целую милю шириной, этак величественно и плавно.

Марк Твен.
*Приключения Гекльберри Финна**

Мое новое платье было все закапано свечкой и вымазано в глине, и сам я устал как собака.

Марк Твен.
Приключения Гекльберри Финна

* Здесь и далее цитаты из романа «Приключения Гекльберри Финна» даны в переводе Н. Дарузес. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ДЖЕК УБЕГАЕТ

ГЛАВА 1
«АЛЬГАМБРА: ОТЕЛЬ И САДЫ»

1

Пятнадцатого сентября 1981 года Джек Сойер стоял у самой кромки воды, засунув руки в карманы джинсов, и смотрел на спокойный Атлантический океан. Джеку исполнилось двенадцать лет, и для своего возраста он был высок. Легкий бриз отбрасывал с красивого чистого лба каштановые, пожалуй, слишком длинные волосы. Противоречивые, тягостные чувства держали Джека, не отпускали последние три месяца — с того самого момента, как его мать заперла двери их дома на Родео-драйв в Лос-Анджелесе и в спешке сняла квартиру к западу от Центрального парка. Оттуда они перебрались в тихое курортное местечко на крошечном океаническом побережье Нью-Хэмпшира. Порядок и размеренность исчезли из мира Джека. Жизнь его стала такой же переменчивой и непредсказуемой, как поверхность простиравшегося перед ним океана. Мать тащила Джека за собой, перебрасывая с места на место. Но что гнало ее?

Она бежала, бежала.

Джек оглядел пустынный берег, повернув голову сначала в одну сторону, потом в другую. Слева находился парк развлечений «Аркадии веселая страна», в котором шум и гвалт не утихали со Дня поминовения до Дня труда*. Сейчас парк обезлюдел и затих —

*День поминовения, День труда — официальные праздничные дни, отмечаемые соответственно 30 мая и в первый понедельник сентября.

как сердце между ударами. Американские горки казались строительными лесами на фоне одноцветного, затянутого облаками неба, вертикальные и наклонные опоры расчерчивали его угольными полосами. Там жил Спиди Паркер, но сейчас Джек о нем не думал. Справа высился «Альгамбра: отель и сады», и именно туда тянули мальчика тревожные мысли. В день приезда Джек на мгновение подумал, что видит радугу над двускатной крышей с мансардными окнами. Добрый знак, обещание перемен к лучшему. Но радуга ему померещилась. Только флюгер поворачивался справа налево, слева направо во власти переменчивого ветра. Джек выскочил из взятой напрокат машины, не обращая внимания на безмолвную просьбу матери заняться багажом, и огляделся. Над вращающимся медным петушком нависало лишь пустое небо.

— Открой багажник и достань вещи, сынок, — позвала его мать. — Загнанная старая актриса хочет зарегистрироваться и поискать выпивку.

— Коктейль «Мартини», — уточнил Джек.

— Тебе следовало сказать: «Не такая ты и старая», — отозвалась она, с трудом вылезая из-за руля.

— Не такая ты и старая.

Она просияла — став прежней бесшабашной Лили Кавано (Сойер), на протяжении двадцати лет считавшейся королевой би-фильмов*, — и выпрямила спину.

— Здесь все будет хорошо, Джеки. Все-все. Это хорошее место. — Чайка пролетела над крышей отеля, и на секунду у Джека возникло тревожное чувство, что это флюгер отправился в свободный полет. — Избавимся на время от телефонных звонков, верно?

— Конечно, — согласился Джек. Она стремилась спрятаться от дяди Моргана, больше не хотела цапаться с деловым партнером своего покойного мужа, мечтала о том, чтобы забраться в кровать с бокалом коктейля «Мартини» и натянуть на голову одеяло...

Мама, да что же с тобой не так?

Слишком много смерти, мир наполовину состоит из смерти. Чайка прокричала над головой.

---

* Фильм категории «Б» (би-фильм) — кинокартина с небольшим бюджетом, не предназначенная для массового проката.

— Шевелись, парень, шевелись, — добавила мать. — Давай войдем в Великое хорошее место*.

Тогда Джек и подумал: *А если станет совсем кисло, всегда можно позвать на помощь дядю Томми.*

Но дядя Томми уже умер: просто эта новость все еще оставалась на другом конце телефонного провода.

2

«Альгамбра» нависал над водой. Грандиозное викторианское сооружение из гигантских гранитных блоков, казалось, естественным образом врастало в выступающий в океан мыс — торчащая каменная ключица на считаных милях нью-хэмпширского побережья. Сады располагались со стороны материка, и Джек, стоя у воды, практически их не видел — только верхнюю часть зеленой изгороди. Бронзовый петух на фоне неба указывал на северо-запад. Мемориальная табличка в холле гласила, что в 1838 году здесь состоялась конференция методистов Севера, одно из первых крупных собраний сторонников отмены рабства в Новой Англии. На ней Дэниел Уэбстер произнес яркую, пламенную речь. Согласно табличке, Уэбстер, среди прочего, сказал: «С этого дня и навсегда — знайте, что рабство как американский институт слабеет и скоро отомрет во всех наших штатах и территориях».

3

Тот день на прошлой неделе, когда они приехали, подвел черту под суматохой последних месяцев в Нью-Йорке. В Аркадия-Бич они не сталкивались с адвокатами, работавшими на Моргана Слоута, которые выскакивали из автомобилей, размахивая документами, требуя от миссис Сойер немедленно заполнить их и подписать. В Аркадия-Бич телефоны не звонили с полудня до трех часов ночи (кажется, дядя Морган забыл, что в окрестностях Центрального парка время вовсе не калифорнийское). Собственно, в Аркадия-Бич они не звонили совсем.

---

* Аллюзия на рассказ классика американской литературы Генри Джеймса (1843–1916) «Великое хорошее место».

Пока они ехали по маленькому курортному городку (мать не переставала смотреть на дорогу), Джек заметил на улицах только одного человека — безумного старика, бесцельно катившего по тротуару пустую тележку для покупок. Над головой висело серое, враждебное небо. В отличие от Нью-Йорка здесь слышался только шорох ветра, продувавшего пустынные улицы: из-за отсутствия на них транспорта они казались более широкими. Надписи на витринах магазинов гласили: «РАБОТАЕМ ТОЛЬКО ПО ВЫХОДНЫМ» или, того хуже, «УВИДИМСЯ В ИЮНЕ!». На улице перед «Альгамброй» гостей ожидала сотня парковочных клеток, пустующих, как и столики в «Чае с вареньем».

Лишь небритые безумные старики катили пустые тележки для покупок по заброшенным улицам.

— Я провела счастливейшие три недели своей жизни в этом странном маленьком городке. — Лили проехала мимо старика (который, как заметил Джек, повернулся, испуганно и подозрительно посмотрел им вслед и что-то прошептал, но Джек не смог разобрать, что именно), а потом свернула на изогнутую дугой подъездную дорожку, проложенную через сады к отелю.

Вот почему они упаковали все необходимое в чемоданы, сумки и полиэтиленовые пакеты и заперли на ключ дверь квартиры (не обращая внимания на пронзительные звонки телефона, которые просачивались через замочную скважину и, казалось, преследовали их даже в коридоре первого этажа); вот почему забили раздутыми коробками и чемоданами заднее сиденье и багажник взятого напрокат автомобиля и провели в нем долгие часы, медленно продвигаясь на север по Генри-Гудзон-паркуэй, а потом еще более долгие часы — по автостраде 95: потому что именно здесь Лили Кавано Сойер однажды ощутила себя счастливой. В 1968 году, за год до рождения Джека, Лили номинировали на «Оскар» за роль в кинофильме «Блейз». Фильм этот по уровню превосходил большинство фильмов, в которых снималась Лили, и в нем ее талант раскрылся более полно, чем в привычных для нее ролях «плохих девчонок». Никто не ожидал, что Лили способна победить, и меньше всех сама Лили; но клише, что номинация на премию Академии уже большая честь, в полной мере отражало ее состояние: Лили от души радовалась, и Фил Сойер увез ее на три недели в «Аль-

гамбру», чтобы достойно отпраздновать этот успех. Там, на другом конце континента, они смотрели вручение «Оскаров» по телевизору и пили шампанское в постели. Будь Джек старше и возникни у него интерес к подобным вопросам, он мог бы произвести нехитрые математические действия и узнать, что жизнь ему дали именно в «Альгамбре».

Когда огласили список актрис, выдвинутых на соискание премии в номинации «Лучшая женская роль второго плана», Лили, в соответствии с семейной легендой, прошептала Филу: «Если выиграю, а меня нет на церемонии, станцую манки у тебя на груди *в туфлях на шпильках*».

Но победила Рут Гордон, и Лили сказала: «Уверена, она заслуживает этого. Отличная актриса. — И тут же, стукнув мужа кулаком по груди, потребовала: — Найди мне еще одну такую же роль, раз уж ты у нас знаменитый агент».

Больше таких ролей она не получала. А последней, сыгранной через два года после смерти Фила, стала роль циничной бывшей проститутки в фильме «Маньяки на мотоциклах».

Именно тот период вспоминала сейчас Лили, и Джек это знал, вытаскивая вещи с заднего сиденья и из багажника. Полиэтиленовый пакет «Д'АГОСТИНО» порвался, отделив «Д'АГО», и скатанные носки, фотографии, шахматные фигуры, доска и комиксы высыпались на вещи, еще лежавшие в багажнике. Джеку удалось распихать большую часть выпавшего по другим пакетам. Лили, держась за поручень, медленно, будто старушка, поднималась по ступенькам.

— Я найду коридорного, — пообещала она не оборачиваясь.

Джек разогнулся, оторвавшись от пакетов, и вновь посмотрел вверх, туда, где, он в этом не сомневался, видел радугу. Увы, теперь его глазам открылось только враждебное, переменчивое небо.

А потом:

Иди ко мне, тихо, но явственно раздалось за его спиной.

— Что? — спросил он, оглядываясь. Но увидел только пустынные сады и подъездную дорожку.

— Да? — окликнула его мать. Спина ее согнулась вопросительным знаком, она опиралась на ручку дубовой двери.

— Померещилось, — ответил он. Само собой, и голос, и радуга. Джек выбросил все это из головы, посмотрев на мать, сражавшуюся с тяжелой дверью. — Подожди, я помогу. — И торопливо взбежал по ступенькам, неловко неся большой чемодан и раздувшийся бумажный пакет со свитерами.

Ч

До встречи со Спиди Паркером Джек, словно спящая собака, не замечал хода времени: один день в отеле просто перетекал в другой. Вся жизнь казалась сплошным сном, полным теней и необъяснимых переходов. Даже ужасная весть о дяде Томми, пришедшая по телефону прошлым вечером, не сумела полностью разбудить его, не повергла в шок. Увлекайся Джек оккультизмом, он мог бы предположить, что какие-то неведомые силы захватили его и управляют их с матерью жизнями. В свои двенадцать Джек Сойер привык всегда что-то делать, и плавное и бесшумное течение этих дней после суеты Манхэттена смущало и раздражало его.

Джек вдруг осознал, что стоит на берегу, но не смог вспомнить, как сюда попал, и не имел ни малейшего понятия, что здесь делает. Вроде бы он горевал о дяде Томми, но у него создалось ощущение, что разум его завалился спать, предоставив телу самому заботиться о себе. Концентрации внимания не хватало даже для того, чтобы держать в голове сюжеты сериалов, которые они с Лили смотрели по вечерам, не говоря уж о том, чтобы запоминать какие-то подробности.

— Ты устал от всех этих переездов. — Мать глубоко затянулась и сощурилась, глядя на него сквозь дым. — Что тебе нужно, Джеки, так это немного расслабиться. Это чудесное местечко. Давай же насладимся им, пока есть возможность.

В красном отблеске экрана Боб Ньюхарт разглядывал туфлю, которую держал в правой руке.

— Именно этим я и занимаюсь, Джеки. — Лили улыбнулась сыну. — Расслабляюсь и наслаждаюсь.

Джек взглянул на часы. Они сидели перед телевизором уже два часа, а он не мог вспомнить, что они смотрели до этой программы.

Мальчик как раз встал, чтобы идти спать, когда зазвонил телефон. Старый добрый дядя Морган Слоут нашел их. Новости дяди Моргана никогда не приносили радости, но последняя тянула на блокбастер, даже по его меркам. Джек стоял посреди комнаты, наблюдая, как лицо матери белеет, белеет, белеет. Рука поднялась к шее, на которой за последние месяцы появились новые морщины, чуть сжала ее. Мать слушала молча и лишь перед тем, как повесить трубку, прошептала: «Спасибо тебе, Морган». Повернулась к Джеку, внезапно постаревшая и совсем больная.

— Крепись, Джеки, ладно?

Джек не думал, что сможет выдержать удар.

Она взяла его за руку.

— Дядя Томми сегодня погиб, Джек. Его сбил автомобиль, когда он переходил улицу.

Мальчик ахнул, как от удара под дых.

— Он переходил бульвар Ла Синега, и его сбил фургон. Согласно показаниям свидетеля, черного цвета, с надписью «ДИКОЕ ДИТЯ»*, но это... Это все... — Лили начала плакать. Минутой позже, удивляясь самому себе, Джек тоже заплакал. Все это случилось тремя днями раньше, но Джеку казалось, что прошла целая вечность.

5

Пятнадцатого сентября 1981 года подросток по имени Джек Сойер смотрел на ровную поверхность океана, стоя на пустынном берегу перед отелем, напоминавшим старинный замок из романов Вальтера Скотта. Ему хотелось плакать, но он не мог выжать из себя ни слезинки. Его окружала смерть, смерть составляла половину мира, и в небе не было радуги. Фургон с надписью «ДИКОЕ ДИТЯ» вычеркнул дядю Томми из этого мира. Дядю Томми, который погиб в Лос-Анджелесе, очень далеко от восточного побережья, хотя даже Джек знал, что его дом именно здесь. Человеку, обязательно повязывавшему галстук перед тем, как пойти в «Эрбис», чтобы съесть сэндвич с ростбифом, следовало держаться подальше от западного побережья.

---

* Дикое Дитя — герой комиксов компании «Марвел».

Его отец умер, дядя Томми умер, мать тоже может умереть. Он ощутил смерть и здесь, в Аркадия-Бич: она говорила по телефону голосом дяди Моргана. И речь шла не о дешевой меланхолии, окутывавшей курорт в межсезонье, когда постоянно сталкиваешься с призраками ушедшего лета. Смерть проявляла себя в текстуре предметов, в запахе ветра с океана. Джек боялся... и боялся давно. Это место, такое тихое, только помогло ему осознать... помогло ему осознать, что, возможно, смерть ехала с ним по автостраде 95 из Нью-Йорка, щурясь от сигаретного дыма и прося его найти по приемнику что-нибудь быстрое и ритмичное.

Он помнил — смутно, — как отец говорил ему, что он родился с разумом старика, но сейчас Джек так не думал. Напротив, он ощущал, что у него разум младенца. *Я напуган*, подумал Джек. *Чертовски напуган. Конец света наступит здесь, да?*

Чайки кружили в сером воздухе над головой. Тишина серостью соперничала с воздухом, такая же убийственная, как растущие мешки под глазами матери.

6

Джек не знал, сколько дней бесцельно брел сквозь время, ощущая, будто все его чувства заблокированы, но встреча с Лестером Спиди Паркером, случившаяся в «Веселой стране», вывела его из этого состояния. Чернокожий, с курчавыми седыми волосами и глубокими морщинами, изрезавшими лицо, Лестер ничем не привлекал к себе внимания, хотя многого добился, путешествуя по стране и играя блюз. Он и не рассказывал ничего особенно интересного. Однако, ненароком зайдя в зал игровых автоматов «Веселой страны», Джек встретился взглядом с его выцветшими глазами — и почувствовал, что оцепенение ушло. Будто некая волшебная сила передалась от старика Джеку. Спиди улыбнулся ему.

— Кажется, у меня появилась компания. Пришел маленький странник.

И правда, апатию как рукой сняло. Мгновением раньше он чувствовал себя облепленным мокрой шерстью и сахарной ватой, а теперь обрел свободу. Казалось, над Спиди вспыхнул серебристый нимб, едва заметный ореол света, который исчез, стоило

Джеку моргнуть. И только тут мальчик заметил, что в руках у старика широкая и тяжелая швабра.

— С тобой все в порядке, сынок? — Уборщик потер поясницу, прогнулся назад. — Мир только что стал хуже или чуть изменился к лучшему?

— Э... изменился к лучшему, — прошептал Джек.

— Тогда ты пришел куда надо, скажу я тебе. Как тебя величают?

Маленький странник, назвал его Спиди в тот первый день. *Старина Джек-Путешественник*. Высокий и худой, уборщик привалился к автомату для игры в скибол, а его руки обнимали черенок швабры, словно девушку в танце. *А перед тобой — Лестер Спиди Паркер, тоже странник, сынок, хи-хи, ей-бо. Спиди знает дорогу, он знает все дороги, даже дорогу в прошлое. У меня был оркестр, Странник Джек, и мы играли блюз. Гитарный блюз. Мы даже записали несколько пластинок, но я не буду смущать тебя вопросом, слышал ли ты их*.

В каждом слоге звучал свой напевный ритм, в каждой фразе — римшот и бэкбит. Спиди Паркер держал в руках швабру, а не гитару, но все равно оставался музыкантом.

В первые пять секунд общения с ним Джек понял, что его отцу, любившему джаз, понравился бы этот человек.

Большую часть последующих трех или четырех дней Джек всюду ходил за Спиди, наблюдая за его работой и помогая, если возникала такая необходимость. Старик позволял ему забивать гвозди, шкурить штакетины, требовавшие покраски. Только эти простые задания, которые Джек выполнял под руководством Спиди, и могли сойти за учебу в тот период времени, но мальчик чувствовал себя совершенно счастливым. Теперь Джек считал первые дни в Аркадии-Бич жутким кошмаром, от которого его спас новый друг. Спиди Паркер был другом, в этом Джек не сомневался — не сомневался до такой степени, что эта дружба обретала налет таинственности. За несколько дней, прошедших после того, как Джек сбросил с себя оцепенение (или Спиди стряхнул с него оцепенение, расколдовав одним взглядом светлых глаз), этот человек стал ему ближе, чем любой из друзей, исключая разве что Ричарда Слоута, которого Джек знал практически с пеленок. И сейчас он чувство-

вал, как притяжение мудрости и тепла его нового друга, который находился где-то поблизости, уравновешивают боль утраты дяди Томми и страх, что мать действительно умирает.

Но у Джека вновь возникло неприятное ощущение, что *им управляют*, манипулируют: будто длинная невидимая нить притащила их с матерью в это пустынное место на берегу океана.

Они хотели, чтобы он оказался здесь, кем бы *они* ни были.

Или это глупости? Мысленным взором Джек увидел согнутого старика, безусловно, рехнувшегося, что-то бормочущего себе под нос и катящего тележку для покупок по тротуару.

В небе закричала чайка, и Джек дал себе слово поговорить со Спиди Паркером о своих ощущениях. Даже если Спиди подумает, что у Джека съехала крыша, даже если начнет смеяться над ним. Но в душе Джек знал, что Спиди смеяться не будет. Они *были* близкими друзьями: Джек знал, что может рассказать старому сторожу практически все.

Но он не мог решиться. Слишком уж это напоминало бред, и Джек сам пока не во всем разобрался. Пересиливая себя, он повернулся спиной к «Веселой стране» и по песку поплелся к отелю.

ГЛАВА 2
ВОРОНКА

1

На следующий день Джек Сойер понимал происходящее ничуть не лучше. Ночью ему приснился *один из самых страшных снов* в его жизни. В нем за матерью крался какой-то жуткий монстр — карлик с перекошенными глазами и гниющей, облезающей кожей. *Твоя мать почти мертва, Джек, скажи «аллилуйя»!* — прохрипел монстр, и Джек знал — такое знание приходит только во сне, — что монстр радиоактивный, а его прикосновение грозит смертью. Он проснулся в холодном поту, едва сдерживая крик. Только шум прибоя помог ему осознать, где он находится, и прошел еще не один час, прежде чем Джек снова уснул.

Утром он собирался рассказать этот сон матери, но Лили пребывала в дурном настроении, не шла на разговор, прячась за клубами сигаретного дыма. И лишь когда Джек под каким-то надуманным предлогом собрался уйти из кафетерия отеля, Лили едва заметно ему улыбнулась.

— Подумай, где хочешь поужинать.

— Правда?

— Да. Только не в фастфуде. Я удрала из Лос-Анджелеса в Нью-Хэмпшир не для того, чтобы травиться хот-догами.

— Давай поедем в один из рыбных ресторанов в Хэмптон-Бич? — предложил Джек.

— Отлично. Теперь иди и поиграй.

Иди и поиграй, с непривычной злостью подумал Джек. *Да, мамочка, ловко у тебя получается! Легко! Иди и поиграй! С кем? Мама, почему ты здесь? Почему мы здесь? Ты очень больна? Почему не хочешь говорить со мной о дяде Томми? И чего хочет дядя Морган? Чего?..*

Вопросы, вопросы... И все не стоят выеденного яйца, потому что никто не может на них ответить.

Разве что Спиди...

Смех, да и только: как чернокожий старикан, с которым он только что познакомился, мог разрешить хоть какую-то из его проблем?

Тем не менее Джек думал о Спиди Паркере, когда пересек променад и зашагал по наводящему тоску пустынному берегу.

2

Конец света наступит здесь, да? — снова подумал Джек.

Чайки кружили в серой вышине. На календаре было еще лето, но в Аркадия-Бич оно заканчивалось в День труда. Тишина серостью соперничала с воздухом.

Джек взглянул на свои кроссовки и увидел, что они запачканы чем-то вроде дегтя. *Грязь с пляжа*, решил он. *Вынесло волнами?* Он не знал, где измазался, но на всякий случай отступил от кромки воды.

Чайки кричали и кружили в воздухе. Крик одной из них раздался прямо над головой Джека, и сразу после этого мальчик услышал негромкий удар, словно по металлу. Он вовремя повернулся и увидел, как что-то упало на скалу. Чайка быстро, точно робот, вертела головой по сторонам, чтобы убедиться, что никто ее не потревожит. Потом запрыгала к тому месту, где на ровном, утрамбованном песке лежал брошенный ею моллюск. От удара о камень раковина треснула, как яйцо, и Джек увидел внутри подрагивающее мясо... Или у него разыгралось воображение?

Не хочу на это смотреть.

Но прежде чем он успел отвернуться, желтый крючковатый клюв чайки ухватил мясо, растягивая его, как эластичную ленту, и Джек почувствовал, что желудок завязался узлом. Мысленно он услышал крик разрываемой живой плоти... ничего связного, просто тупая плоть кричит от боли.

Джек вновь попытался отвернуться от чайки — и не смог. Птичий клюв открылся, демонстрируя грязно-розовую глотку. Моллюск нырнул обратно в разбитую раковину, и с мгновение чайка смотрела на Джека мертвенно-черными глазами, подтверждая ужасные истины: умирают отцы, умирают матери, умирают дядья, даже если они окончили Йельский университет и выглядят в своих костюмах-тройках с Савил-роу* несокрушимыми, как стены банка. Дети тоже умирают... и в конце остается только тупой, бездумный крик живой плоти.

— Эй, — произнес Джек, не замечая, что говорит вслух. — Эй, отстаньте от меня!..

Чайка сидела над добычей, буравя его маленькими черными глазками. Потом вновь принялась клевать мясо. *Хочешь кусочек, Джек? Оно еще трепещет! Боже мой, мясо такое свежее, похоже, и не знает, что мертво!*

Крепкий желтый клюв вновь вцепился в моллюска и потянул. Потя-я-я-я-я...

Мясная резинка разорвалась. Голова чайки вскинулась к серому сентябрьскому небу, заработали мышцы горла. У Джека снова возникло ощущение, что птица смотрит на него, как, бывает, смо-

---

* Савил-роу — улица в Лондоне, на которой расположены ателье дорогих мужских портных.